

Был конец месяца Арказта, и в воздухе уже явно чувствовалось приближение зимы. Хмурое небо поливало землю нескончаемыми дождями, деревья уже лишились большей части листвы, укрывшей землю сплошным ковром. Неделю назад выпал первый снег, на радость ребятишкам пролежал несколько часов и растаял. В лесу царила тишина, прерываемая иногда вороньим карканьем. Ветер шевелил деревья, голые ветви роняли вниз редкие капли. Затянувшие небо серые тучи грозили в любой момент разразиться новым дождём, они неторопливо ползли куда-то за горизонт, заставляя небо то темнеть, то светлеть. Прорезавшая лес безлюдная глинистая дорога была покрыта глубокими отпечатками конских копыт. Холод ещё не успел превратиться в мороз, намертво сковывающий землю звонкой коркой.

Именно холод и привёл человека в чувство. Он разлепил ресницы и вздрогнул, когда показавшийся очень ярким свет резанул по глазам. Голова немедленно отозвалась пульсирующей болью. Преодолевая её, человек шевельнулся и обнаружил, что лежит на боку прямо в раскисшей глине дороги. Перед его глазами была бугристая грязь и его собственная рука

в чёрной кожаной перчатке. Чуть дальше виднелся труп неподвижно лежащей на боку лошади.

Упираясь в землю руками, человек сел. Головная боль тут же усилилась, мир покачнулся, к горлу подкатила тошнота. Он сглотнул и прикрыл глаза, пережидая приступ. Потом вновь открыл и огляделся по сторонам. Лошадиный труп оказался не единственным. Тел вокруг хватало — и конских, и человеческих. Видимо, здесь схватились два немалых отряда, и схватка была не на жизнь, а на смерть. Успевшая побуреть кровь щедро мешалась с дорожной грязью, трупы валялись в самых разных позах, с перекошенными лицами, распоротыми животами, раскрытыми черепами. Раненых видно не было — видимо, победители либо добились их, либо увезли с собой. А его, надо полагать, приняли за мёртвого.

Мужчина поднял руку к больной голове, и пальцы наткнулись на склеившуюся корку крови. Удар пришёлся точнёхонько над ухом, чудом миновал висок. И хорошо — иначе ему бы не выжить... Зубами стащив перчатку с правой руки, он ощупал голову. Точно сказать было трудно, но, похоже, череп цел. Рядом валялся меч — светлая полоса стали, ярко блестящая в тёмной глине, с чёрной, отделанной серебром рукоятью. Повозившись — руки дрожали — он засунул меч в висевшие на поясе ножны и попытался подняться. Задача оказалась непосильной, встать удалось только на четвереньки. Так, на четвереньках, он и пополз, то огибая трупы, то перелезая через них, в сторону обочины.

Он не мог сказать, кто с кем дрался в этом месте, и не помнил, на чьей стороне был он сам. Но это пока было неважно, главным было убраться отсюда всё

равно куда, лишь бы подальше. На обочине он снова сел на землю и перевёл дух. Отсюда просматривался поворот дороги и упавшее поперёк неё дерево. Похоже, что один из отрядов спокойно ехал по дороге и попал в засаду. Кто одолел, сказать было трудно, тел в серых и чёрных плащах на земле валялось примерно поровну. Но среди чёрных было больше павших не от меча, а от стрел. Похоже, в засаду угодили именно они. Уцелевший и сам был одет с головы до ног в чёрное, но почему-то без плаща. А вон тот, на краю дороги, пал не от честной стали. Труп обгорел настолько, что нельзя было разглядеть, к какому отряду он принадлежал. Похоже, что среди нападавших или обороняющихся оказался маг, но его быстро вывели из строя, иначе убитых магией было бы больше.

Цепляясь за ствол росшего на обочине дерева, человек поднялся. Сделал шаг, другой, убедился, что может держаться на ногах, и побрел в глубь леса, по-прежнему не представляя, куда идёт.

Идти было трудно. Земля изобиловала кочками и ямами, из неё торчали кусты и стволы деревьев, под ноги подворачивались коряги, несколько раз он чуть не упал. В глазах потемнело, так что сначала он услышал плеск, и лишь потом увидел, что переходит вброд ручей. Человек повернулся и бездумно побрёл по его руслу.

Русло вывело к роднику, бившему из склона холма. Поняв, что хочет пить, мужчина растянулся во весь рост на земле и опустил лицо в ледяную воду. Покрывавшая левую щеку уже подсыхающая грязь окрасила воду облачком мути. Напившись, он попытался смыть её. Потом внимательно посмотрел

на своё отражение. В воде был виден только тёмный силуэт головы, лицо сливалось в неразборчивое пятно. По обе стороны от него торчали волосы, слипшиеся с одной стороны от грязи, а с другой — от крови, но видно было, что они отливают медью. Холодная вода слегка прояснила мысли, и человек наконец задумался, как быть дальше.

Голова по-прежнему болела, но терпеть было можно. Где он находится, мужчина не представлял, так же как и где находится ближайшее жильё, но любая дорога куда-нибудь да приведёт. Вот только долго ли придётся по ней идти, и безопасно ли это? Засада наводила на невесёлые размышления. На нападение разбойников она не походила, разбойники не нападают на крупные, хорошо вооружённые отряды и не оставили бы валяться в грязи дорогой, прекрасной стали меч. К тому же что он будет делать, добравшись до жилья? Человек пошарил в карманах и нашёл кошелёк со вполне приличной суммой в золотых и серебряных монетах. Значит, ему есть чем расплатиться и за еду, и за ночлег, и за врача. Больше в карманах ничего интересного не оказалось. Обычный набор — гребень, платок, нож, только огнива почему-то нет. Значит, разжечь костёр не удастся. На левой руке, под перчаткой, обнаружилось массивное золотое кольцо с квадратной печатью: ястреб, клюющий змею. На поясе, кроме меча, висел парный к нему кинжал, а за голенищем высокого сапога нашёлся ещё один нож в специальном кармашке. Вот и всё.

Значит, пойду вдоль дороги, но не выходя из леса, решил человек. В ту же сторону, куда, судя по всему, и ехал отряд. Так больше шансов найти

если не друзей, то хотя бы не врагов. А там видно будет.

К дороге пришлось возвращаться по своим же следам. Он хотел было срезать путь, пройдя наискосок, но вовремя вспомнил, что дорога там делает поворот, и он рискует пройти мимо. Обратный путь дался чуть легче. Наконец впереди показался просвет, заркакала прилетевшая на дармовое пиршество ворона, сзывая товарок. Человек повернул и пошёл, оставляя просвет в деревьях по левую руку, стараясь не отдаляться от него, но и не приближаться.

Опавшая листва шелестела под ногами. Несколько раз он наступал в глубокие лужи, благодаря про себя высокие сапоги для верховой езды, не дававшие начерпать воды. Сверху начал накрапывать дождь, и мужчина пожалел, что не взял чей-нибудь плащ — мёртвым-то он всё равно уже без надобности. За временем следить было трудно, но, судя по всему, уже давно перевалило за полдень и скоро начнёт темнеть. А о каком-нибудь жильё до сих пор не было ни слуху, ни духу.

Вороной конь стоял настолько неподвижно, что человек сначала и не заметил его, приняв за тень в густом переплетении кустов. Но тот вдруг шевельнулся и переступил с ноги на ногу, хрустнув попавшей под копыто веткой. Мужчина остановился, а потом медленно, осторожно, боясь спугнуть, пошёл к неожиданному подарку судьбы. Тот, впрочем, и не думал убегать. Повод свисал до самой земли, пустое седло было в точности таким, как у лошадиных трупов на дороге. Вырвался и убежал, оставшись без хозяина. На атласной шерсти при ближайшем рассмотрении

стали заметны пятна крови, но сам конь, похоже, не пострадал.

— Хорошая лошадка, — тихо сказал человек, беря его под уздцы. Жеребец всхрапнул и попытался попятиться, не слишком, впрочем, решительно. Видно, ему и самому надоело в одиночку бродить по пустому холодному лесу. Поэтому он позволил себя погладить, и даже ткнулся мордой в ладонь, прозрачно намекая на угощение.

— Нет у меня ничего, — покаянно сказал человек. — Красавец ты мой, красавец... Как же тебя зовут? Ладно, пока побудешь Чернышом.

Он ухватился за холку и сел в седло. Новонаречённый Черныш не стал противиться и послушно пошёл вперёд, стоило сжать его бока коленями. Человек попытался пустить его рысью, но тут же отказался от этой идеи: вполне терпимая головная боль при каждом толчке резко усиливалась, словно в мозгу взрывался маленький фейерверк. Пришлось ехать шагом.

Между тем и впрямь начало темнеть. Стволы деревьев, земля под копытами — всё сливалось во что-то болезненно-неразборчивое, а временами и вовсе тонуло в каком-то тумане. Он давно уже не следил, куда едет, полностью доверившись коню, и тот нёс его без понуканий и без капризов. Потом конь фыркнул и самочинно ускорил шаг. Человек поднял тяжёлую голову. Вроде бы деревья стали реже, и едва заметно потянуло дымом. Или это только кажется? Мир дрожал и покачивался, очертания предметов можно было различить с большим трудом. Не понять было, то ли это уже наступила ночь, то ли глаза просто отказываются видеть. А потом как-то вдруг стало совсем темно.

Проезжих на постоялом дворе почти не было, и потому работы тоже было меньше, чем обычно. Пока немногочисленные постояльцы ужинали, Картра вышла подышать свежим воздухом. Скоро мать позовёт её мыть посуду, а пока можно немножко пройтись по двору, отдыхая от жара кухонной печи и запахов лука и подгоревшего жаркого. Холодный воздух забирался под накинутый плащ, сверху капало, но как-то нерешительно, словно дождь сам колебался — пойти ли ему в полную силу или перестать совсем. Девушка прошла вдоль забора и вышла за открытые ворота. Скоро совсем стемнеет, и кузен Ольстред их запрёт, а пока можно свободно ходить туда-сюда. Разбойников в этих краях уже давно нет, спасибо «Мархановым братьям» и новому королю, только волки иногда пошаливают, но сейчас осень, а она не собирается идти в лес. Картра посмотрела на раскисшую дорогу. Неудивительно, что в такую погоду никто не ездит. Вот когда установится санный путь, по этой дороге пойдут купеческие обозы, а пока... Девушка оглянулась на опушку и увидела одинокого всадника, выехавшего из леса почему-то в стороне от дороги. Всадник приближался, вот только сидел он как-то странно скособочившись, словно у него одно стремя было ниже другого. Картра без страха наблюдала за его приближением. Новому гостю оставалось проехать всего ничего, когда он вдруг покачнулся, припадая к гриве, окончательно сполз с седла и рухнул на землю.

Картра подбежала к нему. Человек лежал неподвижно, лицом вверх, раскинув руки. Конь удивлённо фыркнул и обнюхал его лицо. Девушка заколебалась

было — мало ли чего можно ожидать от незнакомого жеребца, — но человек явно нуждался в помощи, и она, мягко отведя лошадиную морду в сторону, присела на корточки рядом с упавшим. Тот был ещё далеко не стар и довольно красив, рыжеволосый, с чёткими и правильными чертами выпачканного в грязи лица. Только очень бледный, что видно даже в сумерках, кожа прямо меловая. Картра похлопала его по щекам, но очнуться он и не подумал. Девушка ударила ещё раз, сильнее, голова безвольно мотнулась, и Картра заметила на ней запёкшуюся ссадину.

— Бедный, — прошептала она. — Кто же его так?

Незнакомец ей понравился. К тому же он был явно не из простых — отделанные серебром ножны и неброский, но добротный дорожный костюм из чёрной замши выдавали человека отнюдь не бедного. Девушка прикинула, сразу ли бежать за помощью или попытаться самой затащить его хотя бы во двор. Оставлять этого мужчину валяться за оградой даже на короткое время ей не хотелось, но, пожалуй, такого рослого и плечистого она не дотащит. Может, всё-таки очнётся? Картра стащила с него перчатки, чтобы растереть кисти рук, и заметила перстень. Тусклого вечернего света хватило, чтобы разглядеть клюющего змею ястреба.

— Ну и где же он? — повторил Энсмел.

Пламя факелов плясало на несильном ветру, шипя, когда на него попадали капли морозящего дождя. Отблески огня играли на влажной глине, отражались на разбросанном оружии.

— Был здесь, — ответил Айрони.

— Был? — саркастически переспросил Энсмел. — Может, ты будешь так любезен и скажешь мне, где он находится сейчас?

Джернес молча слушал, глядя на довольно чёткий отпечаток человеческого тела в глине. Остальные разбрелись, собирая трупы и складывая их в одну кучу. Вспугнутое воронье хрипло бранилось, рассевшись по веткам ближайших деревьев.

— Он не мог уйти... — растерянно пробормотал Айрони.

— Однако ж ушёл! Не по воздуху же он улетел — Сеть-то не тронута! Знаешь, Айрони, чтоб тебе ещё раз доверили хоть сколько-нибудь ответственное дело...

— Клянусь вам, — Айрони прижал руку к сердцу, — клянусь вам, я был уверен, что он мёртв! Он не мог выжить после такого удара!

— И это ты мне говоришь! Что ж ты не проверил как следует, дурья твоя башка?

— Я проверял! У него и сердце не билось, и дыхания не было! Что я ещё мог подумать?

— А что ж ты труп с собой не взял? Или часового не поставил?

— А ты бы догадался на его месте? — вмешался Джернес.

— Не знаю, — буркнул Энсмел. — Но ты представляешь, что будет, если Кондар остался жив?

— Представляю. Вернее, наоборот, не представляю, а потому надо не сотрясать воздух бесполезными воплями, а действовать. Айрони, садись в седло и марш за собаками. Или кого-нибудь из своих пошли.

— А сам ты не сможешь его найти? — спросил Энсмел.

— Пока на нём амулет — не смогу.

Айрони отошёл отдавать приказания.

— Да, рановато святой отец начал возносить благодарственные молитвы, — сказал Энсмел. — Ну что же это такое, а?

— Успокойся, Мел. И без того удивительно, что нам удалось проделать почти всё без сучка, без задоринки. Хоть одна накладка да должна была слушаться.

— Но почему именно эта?!

Джернес пожал плечами.

— Он же не уймётся, — тоскливо добавил Энсмел. — Пока он жив, нам не будет покоя.

— Не паникуй. Ничего непоправимого пока не случилось. После такого удара по голове он наверняка не в лучшей форме, а Айрони забрал с собой всех уцелевших лошадей. Далеко на своих двоих он уйти не мог.

— Но у него фора в несколько часов! К тому же не забывай, что мы находимся в не слишком дружественной стране. Его величество сделает всё возможное, но здесь слишком много таких, кто по-прежнему ненавидит магов.

— У меня на лбу не написано, что я маг. Зато у нас имеется абсолютно подлинный королевский указ, предписывающий оказывать нам всяческое содействие.

— Да, Рисарн здорово рисковал, давая его нам. Не удайся переворот, и попади указ в руки Кондара — Рисарна никакая корона не спасла бы.

От отряда отделились двое всадников и поскакали назад. Айрони подошёл к приятелям.

— Собаки будут, — сказал он.

— Отлично, — откликнулся Энсмел. Похоже, он уже остыл и больше не злился. — А я, пожалуй, пока их нет, попытаюсь разобраться своими силами. Читая следы я умею, в моей стране даже дворяне порой охотятся в одиночку.

Он нагнулся над дорогой, и Джернес с Айрони сделали несколько шагов в сторону, чтобы не мешать.

— И всё же действительно, как так получилось? — спросил Джернес. — Ты должен был это видеть.

— Видел, — подтвердил Айрони. — И даже принимал участие. Всё началось очень хорошо. Мы с самого начала половину из них выкосили стрелами, Палач только Тима и успел сжечь, когда Диам вломил ему палицей по голове. И тут же перебежал к нашим, как и было договорено. Правда, его это всё равно не спасло... — Айрони помолчал, потом мотнул головой. — Безымянный! Они дрались, как бешеные! И никто не побежал, никто! И всё норовили добраться до Диамы — отомстить. А он, сам знаешь, парень был отчаянный, тоже прятаться за чужими спинами не захотел... Так что отомстили.

— Люди Кондара славятся храбростью и преданностью, — бесстрастно подтвердил Джернес. — Особенно личная гвардия.

— Ну вот, потом мы добились их раненых, а их было мало, собрали лошадей... Тоже мало уцелело, они били не только по людям, но и коней не щадили. Только-только хватило наших раненых вывезти, где уж тут с трупами возиться! И клянусь тебе, он *был* трупом! Даже зрачок не сужался.

— Видимо, просто очень глубокий обморок. Ну как, нашёл что-нибудь? — окликнул Джернес Энсмела.